

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(470.313).07-08

«СЛУЖБЫ И ТЯГОСТИ» РЯЗАНСКОГО ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВА В 1800–1870 ГОДЫ

М. А. Седов

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина,
кафедра истории России, г. Рязань, Россия

Статья посвящена исследованию служб по выбору в учреждениях и должностях местного управления представителей городских сословий Рязани в 1800–1870 гг. На основании изучения архивных материалов автор показывает, что служба в учреждениях и должностях городского управления являлась для городского общества обязательной натуральной личной повинностью. Горожане, выбранные для службы на должности в учреждения местного управления, были ограничены во времени и в свободе передвижения, не получали вознаграждения и подвергались материальным взысканиям за должностные упущения. Недостаток финансирования приводил к тому, что обязательные службы выборные вынуждены были исполнять за счёт личных средств.

Ключевые слова: *городовой магистрат, городская дума, городской голова, губернская администрация, общегородские учреждения, обременение.*

Система городского управления в России, действовавшая в период между городскими реформами Екатерины II и Александра II (1785–1870), была противоречивым явлением. С одной стороны, екатерининская Грамота на права и выгоды городам Российской Империи (далее – Жалованная грамота) 1785 г. сделала город субъектом права, с другой – формирование органов городского управления и сама служба были основаны на «отправлении» натуральных личных повинностей.

Институт городского управления в России рассматриваемого периода стал объектом исследования ещё при его существовании и серьёзно изучался историками-правоведами второй половины XIX – начала XX в. Л. О. Плошинским, И. И. Дитятиным, М. И. Свешниковым, А. Д. Градовским, А. А. Головачевым, А. А. Кизеветтером¹. Изучение проблемы в со-

¹ *Плошинский Л. О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии. СПб, 1852; *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. СПб, 1875. Т. 1; Ярославль, 1877. Т. 2; *Свешников М. И.* Основы и пределы самоуправления. Опыт критического разбора основных вопросов местного самоуправления в законодательстве важнейших европейских государств. СПб, 1892; *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. СПб., 1904. Т. 9. Начала русского государственного права. Ч. 3. Органы местного управления; *Головачев А. А.* Десять лет реформ. 1861–1871. СПб,

ветской историографии отражено в работах П. Г. Рындзюнского, Н. П. Ерошкина, Б. Н. Миронова². Современная историография отличается более широкой географией и разносторонностью исследований. В работах В. В. Еремяна и М. В. Фёдорова, Н. В. Середы, А. И. Куприянова, А. К. Семенова, М. Ю. Беловой, А. А. Кузьмина и А. Н. Ионова институт городского управления рассматривается в самых разных аспектах: начиная с источниковедческого, заканчивая социологическим³.

1903; *Кизеветтер А. А.* Местное самоуправление в России. IX–XIX ст. Исторический очерк. Петроград, 1917.

Ploshinsky L. O., *Gorodskoe ili srednee sostoynie russkogo naroda v ego istoricheskom razvitiy*, SPb., 1852; Dityatin I. I., *Ustroystvo i upravlenie gorodov Rossii*. Т. 1. SPb., 1875; Т. 2. Yroslavl, 1877; Sveshnikov M. I., *Osnovy i predely samoupravlenij. Opyt kriticheskogo razbora osnovnykh voprosov mestnogo samoupravleniay v zakonodatel'stve vazhneyshikh evropeyskikh gosudarstv*. SPb., 1892; Gradovsky A. D., *Sobranie sochineniy*. Т. 9. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava*. Ch. 3. *Organi mestnogo upravleniya*. SPb., 1904; Golovachev A. A., *Desyat' let reform. 1861–1871*. SPb., 1872; Kizevetter A. A., *Mestnoe samoupravlenie v Rossii. IX–XIX st. Istorichesky ocherk*. Pg., 1917.

² Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958; Ерошкин Н. П. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800–1860 гг.). М., 1985; Миронов Б. Н. Спорные и малоизученные вопросы русского позднефеодального города в современной историографии // Генезис и развития феодализма в России. Вып. 7. Л., 1983. С. 165–187; *Его же.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социально-экономическое развитие. Л., 1990.

Ryndzunsky P. G., *Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoy Rossii*. М., 1958; Eroshkin N. P., *Mestnye gosudarstvennye uchrezhdeniya doreformennoy Rossii (1800–1860 gg.)*. М., 1985; Mironov B. N., *Spornie i maloizuchennye voprosy russkogo pozdnefeodal'nogo goroda v sovremennoy istoriografii*, *Genезis i razvitie feodalizma v Rossii*. Mezhdvuzovskiy sbornik. Вып. 7. Л., 1983. С. 165–187; Mironov B. N., *Russkiy gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, social'no-ekonomicheskoe razvitie*. L. Nauka, 1990.

³ Еремян В. В., Федоров М. В. Местное самоуправление в России (XII – начало XX вв.): Учебное пособие. М., 1998; Середина Н. В. Реформа управления Екатерины Второй. Источниковедческое исследование. М., 2004; Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX в. Общественный быт и культура. М., 1995; *Его же.* Городская демократия: выборы в русской провинции (вторая половина 1780-х – начало 1860-х гг.) // Отечественная история. 2007. № 5. С. 31–48; *Его же.* Культура городского самоуправления русской провинции. М., 2009; Семенов А. К. Городская гражданская реформа Екатерины II и выборы в городах Центрального Черноземья // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 97–102; *Его же.* Городское самоуправление провинциальных городов России и задачи имперской модернизации в конце XVIII – начале XX вв. Липецк, 2005; Белова М. Ю. О создании и развитии системы местного самоуправления в конце XVIII – начале XX вв. (на примере Ярославля) // Власть и город. Ярославль, 2001. С. 8–15; Кузьмин А. А. Городское самоуправление Самары 1851–1892 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; Ионов А. Н. Развитие городского управления в 1785–1870 гг. (на материалах Ярославской городской думы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2016.

Eremyan V. V., Fedorov M. V., *Mestnoe samoupravlenie v Rossii (XII – nachalo XX vv.)*, *Uchebnoe posobie*, М., 1998; Sereda N. V., *Reforma upravleniya Ekateriny Vtoroy. Istoricheskoe issledovanie*, М., 2004; Kupriyanov A. I., *Russkiy gorod v pervoy polovine XIX v. Obshchestvennyy byt i kultura*, М., 1995; Kupriyanov A. I., *Gorodskaya demokratiya: vybory v russkoy provintsii (vtoraya polovina 1780-h – nachalo 1860-h gg.)*, *Otechestvennaya istoria*, 2007, № 5, С. 31–48; Kupriyanov A. I., *Kultura gorodskogo samoupravleniya*

Избирательное право и структура городского общественного управления в период 1800–1870 гг. регламентировались Жалованной грамотой и рядом законодательных актов, предшествовавших её учреждению и вышедших в период до городской реформы Александра II. Избирателями и избираемыми в учреждения и в должности от города являлся очень небольшой круг представителей исключительно городских сословий (купцов, мещан и цеховых) – участников общегородских («собраний градского общества») и сословных общественных собраний с правом голоса. Правом избирать и избираться в городские учреждения и должности пользовались лица мужского пола не моложе 25 лет, имевшие в городе недвижимость и не находившиеся под судом. По этим критериям участниками городских общественных собраний могли быть главы всех купеческих и мещанских семейств, платившие процентный налог с торговли и промышленности не менее 50 руб. в год⁴. Участие в собраниях с правом голоса и принятие на себя выборной должности глава семьи мог доверять сыновьям, внукам или племянникам. Купеческое или мещанское семейство, соответствовавшее цензу участия в общественном собрании, имело право только одного голоса.

В 1830 г. в Рязани числились 86 купеческих и 1245 мещанских семей, однако правом голоса среди рязанских обывателей обладали лишь 63 и 261 глава семейств, являвшихся собственниками домов⁵. К концу 1850-х гг. количество имевших право избираться в городские должности сократилось наполовину – в 1859 г. список потенциальных участников общественных собраний для выборов в должности городского управления насчитывал 163 человека (92 купца и 71 мещанин)⁶.

В рассматриваемый период существовала двухуровневая структура городских присутственных мест и общественных должностей. Высший уровень представляли общегородские учреждения и должности, которые находились в прямом подчинении губернской администрации и утверждались ею – городской голова, городской магистрат (в составе двух

russoy provintsii, М., 2009; Semenov A. K., *Gorodskaj grazhdanskaj reforma Ekateriny II i vybory v gorodach Tsentral'nogo Chernozemja*, *Voprosy istorii*, 2006, № 5, S. 97–103; Semenov A. K., *Gorodskoe samoupravlenie provintsial'nyh gorodov Rossii i zadachi imper'skoj modernizatsii v kontse XVIII – nachale XX vv.*, Lipetsk, 2005; Belova M. Y., *O sozdanii i razvitii sistemy mestnogo samoupravleniya v kontse XVIII – nachale XX vv. (na primere Yaroslavl'ya)*, *Vlast i gorod*, Yroslavl, 2001, S. 8–15; Kuzmin A. A., *Gorodskoe samoupravlenie Samary 1851–1892 gg.: avtoreferat dis. ... kand. ist. Nauk*, М., 2003; Ionov A. N., *Razvitie gorodskogo upravleniya v 1785–1870 gg. (na materialach Yroslavskoy gorodskoy dumy): avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk*, Yroslavl, 2016.

⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Собр. I. Т. XXII. 1784–1788. СПб., 1830. С. 362. № 16187.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ), *Sobranie pervoe*, Т. XXII, 1784–1788, SPb., 1830, S. 362, № 16187.

⁵ Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 4. Оп. 719. Д. 454а. Л. 1355об.

State Archives of Ryazan Region (GARO), F. 4, Op. 719, D. 454a, L. 1355 ob.

⁶ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 510. Л. 88–92 об.

Ibid, F. 49, Op. 1, D. 510, L. 88–92 ob.

бургомистров и четырех ратманов), городская дума (четыре гласных под председательством городского головы) и квартирная комиссия (один депутат от купечества). Эти учреждения не находились в иерархической подчинённости и не могли давать распоряжения и предписания друг другу. Помимо выборных в городские присутственные места от города в губернские учреждения избирались по два заседателя в уголовную и гражданскую палаты и в совестной суд, один заседатель в приказ общественного призрения.

Ко второму уровню городского управления относились учреждения и должности, подчинявшиеся магистрату или думе. Они делились на две категории – общегородские и сословные.

Общегородские должности избирались от всех городских сословных обществ, на которые распространилась власть и компетенция этих выборных. Ими являлись: городской или купеческий староста, два судьи и несколько добросовестных свидетелей словесного торгового суда при магистрате, четыре судьи двух частных словесных судов при полиции, до пяти депутатов для наблюдения за правильным производством торговли и промышленности (торговые депутаты), два депутата для надзора за городской недвижимостью, по два от купечества и от мещанства для проверки книг и отчётов городской думы и квартирной комиссии, два присяжных ценовщика, староста для ежегодного составления городской обывательской книги, сторожа и рассыльщики при городских присутственных местах.

К сословным городским должностям относились: мещанский староста с двумя-тремя помощниками, сборщик податных недоимок, два мещанских старшины, четыре окладчика, рекрутский староста, сборщик рекрутских денег, добросовестные для отдачи мещан в рекруты и для составления приговоров об исключении порочных мещан из общества (24 человека)⁷, нарочные для отыскания мещан, укрывавшихся от рекрутской повинности, ремесленный голова и цеховые старшины с их товарищами (от семи и более человек) и др. Они избирались из среды тех сословий, за исполнением натуральных и денежных повинностей которых должны были нести ответственность. Кроме того, в подчинении городских присутственных мест было несколько корпоративных выборных должностей. Например, торговцы житных, сенных и мясных рядов ежегодно выбирали по «рядскому» старосте, каждый из которых представлял своё сообщество в городском управлении.

Обособленно от остальных городских учреждений и должностей стояли соляные и винные приставы (смотрители за продажей казенных соли и вина) и церковные старосты (ктиторы) бесприходных церквей⁸. После выборов первые переходили в подчинение казенной палаты, а вторые – епархиального начальства.

⁷ ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 801. Л. 101.

GARO. F. 49. Op. 1. D. 801. L. 101.

⁸ ПСЗ. Собр. I. Т. XXX. 1808–1809. СПб., 1830. С. 187. № 22971.

PSZ, Sobranie I, T. XXX, 1808–1809, SPb., 1830, S. 187, №22971.

Количество горожан, занимавших выборные должности в городском управлении Рязани, достигло максимума в 1860-е гг. – в 1860 г. их насчитывалось около ста человек⁹. Помимо того почти ко всем общегородским и сословным должностям избирались так называемые кандидаты – лица, занимавшие на выборах вторые места по количеству баллов после избранных в должности. Они без проведения дополнительных выборов, временно или постоянно замещали избранных должностных лиц, если последние по каким-либо причинам не могли исполнять своих обязанностей.

Срок службы в городском общественном управлении, в зависимости от должности, мог составлять трёхлетие или один год. На трёхлетие избирались члены всех городских присутственных мест первого уровня, заседатели от города в губернские учреждения, судьи словесного торгового суда при магистрате, присяжные ценовщики, торговые депутаты, депутаты для проверки книг и отчетов городской думы и квартирной комиссии, городской староста, ктиторы бесприходных церквей. Время нахождения на службе в остальных должностях ограничивалась одним годом.

Законодательство определяло городские общественные службы как натуральную повинность для горожан, обязательную для податных сословий, подобно рекрутской повинности. Учрежденная государством структура присутственных мест и должностей городского управления должна была заполняться на выборной основе представителями городских сословий, имевшими солидный имущественный ценз. Никакого вознаграждения ни «от казны», ни из городских доходов выборным от города не полагалось.

Законодатель, очевидно, предполагал, что при таких условиях только на чувстве служебного долга и гражданском самосознании невозможно обеспечить жизнеспособность и стабильность городского управления. Исправное исполнение служебных обязанностей должностных лиц, избранных на городскую службу, обеспечивалось их материальным состоянием. По сути, цель имущественного ценза заключалась в том, что на время нахождения в должности имущество выборного лица являлось залогом его безукоризненной службы. По этой причине право быть избранными во все губернские учреждения и городские присутственные места, а также в большинство общегородских должностей имели представители самого состоятельного, но в Рязани не самого многочисленного городского сословия – купечества.

Обязанности и занятость выборных в разные городские учреждения и должности заметно отличались. Их можно разделить на две категории: должности при общегородских учреждениях, требовавшие регулярной явки в присутственные места для исполнения служебных обязанностей, коллегиального принятия решений, и должности, от которых требовался результат в определенные сроки, но без строгой законодательной регламентации служебного времени.

⁹ ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 738. Л. 91, 105, 147-149, 172-173, 183-184.
GARO, F. 49, Op. 1, D. 738, L. 91, 105, 147-149, 172-173, 183-184.

На примере нескольких выборных городских должностей рассмотрим степень обременённости горожанина, избранного на службу от городских сословных обществ. Выборные от города обязаны были служить как в губернских, так и в городских учреждениях. Присутственные дни для губернских учреждений устанавливались Генеральным регламентом и корректировались последующими законодательными актами¹⁰. В основном в таком же режиме работали учреждения городского самоуправления.

Присутственные часы для рязанских губернских и большинства городских учреждений совпадали и занимали первую половину дня в течение пяти часов. Как правило, присутствующие прибывали на заседания в восьмом – девятом часу утра¹¹. Присутственные дни, как и присутственные часы, устанавливались теми же узаконениями. Свободными от службы днями в календаре выборных городских учреждений являлись еженедельные выходные (суббота и воскресенье или только воскресенье) и многочисленные «табельные дни» – «Господские праздники и Государские Ангелы»¹². В 1801 г. в Рязанском городском магистрате было всего 219, а в 1825 г. – 234 присутственных дня¹³. В Рязанском сиротском суде, который собирался не так часто, как другие городские учреждения, в 1814 г. был 51 присутственный день, в 1825 г. – 49, а в 1834 г. – 69 дней.

Городовой магистрат, являвшийся судебным присутственным местом для городских сословий, до 1840-х гг. выполнял целый ряд первичных общегосударственных функций. Он состоял из шести должностей, избираемых городским обществом: двух бургомистров и четырёх ратманов. Все они должны были являться на заседания в присутственные дни, но не одновременно, а в зависимости от участия в других учреждениях. Два бургомистра присутствовали постоянно. Два ратмана ежедневно начинали день как постоянные заседатели городской полиции, другие два ратмана являлись, кроме магистрата, членами присутствия сиротского суда. Таким образом, для ратманов присутственные часы одного дня делились на магистрат и учреждения, в которые они были откомандированы.

В 1830–1840 гг. при вступлении членов Рязанского городского магистрата в должности на трёхлетие в журналах фиксировалось распределение

¹⁰ ПСЗ. Собр. I. Т. VI. 1720–1722. СПб. 1830. С. 143. № 3534; Т. XV. 1758–1762. СПб. 1830. С. 585–587. № 11169; Т. XXII. 1784–1788. СПб. 1830. С. 385. № 16187; Т. XXVI. 1800–1801. СПб. 1830. С. 105. № 19354. С. 516. № 19738; Т. XXVII. 1802–1803. СПб. 1830. С. 83. № 20202.

PSZ, Sobranie I, T. VI, 1720–1722. SPb., 1830, S. 143, № 3534; T. XV, 1758–1762, SPb., 1830, S. 585–587, № 11169; T. XXII, 1784–1788, SPb., 1830, S. 385, № 16187; T. XXVI, 1800–1801, SPb., 1830, S. 105, № 19354, S. 516, № 19738; T. XXVII, 1802–1803, SPb., 1830, S. 83, № 20202.

¹¹ ГАРО. Ф. 4. Оп. 719. Д. 103. Л. 1, 22, 731; Д. 220. Л. 1, 25, 99; Д. 335. Л. 1, 152; Ф. 129. Оп. 225. Д. 1. Л. 43, 46 об.; Оп. 235. Д. 1. Л. 52, 53 об.; Оп. 245. Д. 1. Л. 208, 212 об.

GARO, F. 4, Op. 719, D. 103, L. 1, 22, 731; D. 220, L. 1, 25, 99; D. 335, L. 1, 152; F. 129, Op. 225, D. 1, L. 43, 46 об.; Op. 235, D. 1, L. 52, 53 об.; Op. 245, D. 1, L. 208, 212 об.

¹² ПСЗ. Собр. I. Т. VI. 1720–1722. СПб. 1830. С. 143. № 3534.

PSZ, Sobranie I, T. VI, 1720–1722, SPb., 1830, S. 143, № 3534.

¹³ ГАРО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–512; Д. 3. Л. 1–457; Д. 97. Л. 1–1192; Д. 98. Л. 1–1191.

бургомистрами обязанностей ратманов, причём о сфере деятельности бургомистров в них не упоминается. Так, в трёхлетие 1839–1841 гг. бургомистры В. Е. Антонов и Д. Л. Цветнов поручили ратману Константинову вести дела следственные и уголовные, а также исполнение указов и предписаний вышестоящего начальства, и сверх того – вести учёт и хранение поступающих в магистрат денежных сумм; ведение гражданских дел, в том числе по имущественным и долговым сделкам было ратману Живаго; если исполнение Константиновым указанных обязанностей было невозможным, то они должны были быть переданы ратманам Семену Иванову и Живаго¹⁴.

Относительно ясное представление о том, как проходила служба ратманов при полиции, даёт отношение полицмейстера в городскую думу от 18 декабря 1859 г. Он писал: «В полиции для составления общего присутствия... должны присутствовать ратманы от городских обывателей, которые командированы от магистрата. Эти же самые ратманы присутствуют в магистрате, а как по делам полиции нередко встречаются такие обстоятельства, что ратман необходимо должен находиться в присутствии полиции и особо при (полицейских. – М. С.) частях по делам следственным и другим, относящимся до городских обывателей в одно и то же время, также необходимо присутствие и в магистрате, чрез что полиция в исполнении дел, относящихся до городских обывателей, где непременно должен находиться ратман, встречает затруднения»¹⁵.

В случае если одним из участников уголовного дела, решаемого уездным судом, был представителем рязанских городских сословий, эти же ратманы могли командироваться за пределы Рязани. Так, в декабре 1858 г. ратман К. И. Шелков для проведения следствия по делу об изнасиловании священником Федором Клевенским купеческой свекрови Степаниды Сидоровой был отправлен в село Гостилово Рязанского уезда¹⁶. В феврале 1861 г. в села Кайдаково, Пономаревку «и ещё на мельницу» был командирован ратман Ф. А. Степанов¹⁷.

Выборные члены магистрата исполняли не все служебные обязанности. В течение XIX в. в Рязанском городском магистрате имелся канцелярский аппарат, состоявший из секретаря и приказнослужителей, они служили по найму и получали жалованье из ежегодной добровольной общественной «складки». Полный перечень должностей магистратских приказнослужителей известен на 1807 г. Он включает секретаря, регистратора, протоколиста, понытчика и четырёх писцов¹⁸.

¹⁴ ГАРО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 189. Л. 3–3 об.

GARO, F. 656, Op. 1, D. 188, L. 3–3 об.

¹⁵ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 518. Л. 103–104.

Ibid, F. 49, Op. 1, D. 518, L. 103–104.

¹⁶ Там же. Д. 429. Л. 177 об.–178.

Ibid, D. 429, L. 177 об.–178.

¹⁷ Там же. Д. 627. Л. 198 об.–199.

Ibid, D. 627, L. 198 об.–199.

¹⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 719. Д. 183. Л. 255.

Ibid, F. 4, Op. 719, D. 183, L. 255.

В октябре 1800 г. выборные магистрата для облегчения служебного бремени магистратских приказных решили справедливее распределить обязанности последних. При этом в журнале магистрата подчеркивалось, что на одном только повытчике, регистраторе Захаре Иванове, находилось «немало значущееся управление»: он был вынужден вести казённые дела, учёт купцов и мещан, следить за объяснением капиталов, выдавать паспорта и оклады, вести дела по набору рекрутов и организовывать выборы на должности в учреждения местного управления¹⁹.

Штат чиновников городских присутственных мест, оплачиваемых из городских доходов, был введён Положением о доходах и расходах г. Рязани от 30 июня 1830 г. По нему магистратский штат должен был состоять из секретаря, протоколиста, экзекутора (он же архивариус), двух столоначальников, двух канцелярских служителей среднего разряда и двух – низшего²⁰.

Иные служебные ритм и нагрузка были у гласных Рязанской городской думы. Дума фактически являлась представительным, распорядительным и исполнительным учреждением одновременно и состояла из четырёх выборных гласных под председательством городского головы. В отличие от членов магистрата служба думских выборных не ограничивалась только присутственными часами.

В первые два десятилетия XIX в. Рязанская городская «общая» дума действовала по распорядку, установленному Городовым положением 1785 г. для городских шестигласных дум. Им было предписано «собираться всякую неделю однажды, разве когда нужда или польза городская востребует и кроме того»²¹. Примерно такой порядок присутственных дней для выборных членов думы наблюдается при анализе немногих сохранившихся годовых журналов Рязанской городской думы за первую четверть XIX в. Так, в январе–сентябре 1804 г. состоялось 56 заседаний, т. е. в среднем выборные присутствующие заседали по 6 дней в месяц. В 1809 г. было 92 присутственных дня, а в 1817 г. – 104, что в среднем составляет по 8 и 9 дней в месяц соответственно. В конце первой трети XIX в. количество присутственных дней в думе примерно уравнилось с магистратом, в котором их количество всегда соответствовало требованиям Генерального регламента. В 1829 г. в думе было 211, а в 1862 г. – 267 присутственных дней²².

Увеличение количества присутственных дней в думе объясняется переводом в её ведение от городского магистрата ряда общегосударственных функций, которые требовали регулярной работы учреждения, а также развитием городского хозяйства. В думе, как и в магистрате, все «бумажные» дела возлагались на наёмных канцелярских чиновников, число которых

¹⁹ ГАРО. Ф. 4. Оп. 719. Д. 183. Л. 290.
GARO, F. 4, Op. 719, D. 183, L. 290.

²⁰ Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 322. Л. 621.
Ibid, F. 46, Op. 1, D. 322, L. 621.

²¹ ПСЗ. Собр. I. Т. XXII. 1784–1788. СПб. 1830. С. 383. № 16187.
PSZ, Sobranie I, T. XXII, 1784–1788, SPb., 1830, S. 383, № 16187.

²² ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 31а., Л. 205–676; Д. 645. Л. 1–205.
GARO, F. 49, Op. 1, D. 31a., L. 205–676; D. 645, L. 1–205.

было гораздо меньше, чем в «городовом судебном месте». Например, в 1809 г. в городской думе вовсе не было секретаря, а для «исправления письменных дел» выборные нанимали двух человек, работа которых оплачивалась из общественной денежной «складки»²³. По штату канцелярий рязанских городских присутственных мест (1830) в думе должны были служить оплачиваемые секретарь, бухгалтер²⁴, один канцелярский служитель среднего разряда, два – низшего и сторож.

В отличие от бургомистров и ратманов городского магистрата на выборах городской думы Городовое положение возлагало все обязанности по ведению городского хозяйства. В Рязани городской голова и четверо гласных без всякого денежного вознаграждения организовывали материальное обеспечение и все работы по содержанию города в таком состоянии, которого требовали законодательство, жизненная необходимость и, как очень часто случалось, губернская администрация.

Основные обязанности выборных думы заключались в изыскании источников городских доходов, их приращении, сборе и расходовании на жизнеобеспечение города. В большинстве случаев это расходование означало не просто перевод средств их получателям – исполнителям или поставщикам, а непосредственную организацию работ и закупок. Кроме того, думские выборные административными мерами старались поддерживать такой порядок торговли и промышленности, который был бы наиболее экономически выгоден местным налогоплательщикам, именно представителям рязанских городских сословий, ограничивая торгово-промышленную деятельность приезжавших торговцев. Причём члены городской думы, как и выборные от города во все остальные должности, в случае «законупротивных» действий или перерасхода средств несли ответственность своими собственными имуществом и капиталом.

После выборов и вступления в должность на каждое трёхлетие гласные думы распределяли между собой служебные обязанности по отраслям городского хозяйства. В первом десятилетии XIX в. один из гласных назначался казначеем, другой – к «смотрению за ветхостию мостов и сбору денег», третий занимался содержанием пожарного двора и обоза, четвёртый отвечал за состояние городского выгона и сдачу его участков в аренду²⁵. На городского голову в думе в том числе возлагалась обязанность и основная ответственность контроля городских расходов²⁶ и за выполнение податными сословиями рекрутской повинности (в сентябре 1828 г. Рязанский городской магистрат, получивший приговор цехового общества об отдаче двух цеховых в рекруты, не стал разбираться с этим вопросом, а пе-

²³ ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 4. Л. 257.

GARO, F. 49, Op. 1, D. 4, L. 257.

²⁴ Там же. Д. 471. Л. 2042–2043 об.; Д. 465. Л. 2653–2654 об.; Д. 454. Л. 1441.

Ibid, D. 471, L. 2042–2043 об.; D. 465, L. 2653–2654 об.; D. 454, L. 1441.

²⁵ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 4. Л. 241–241 об.

Ibid, F. 49, Op. 1, D. 4, L. 241–241 об.

²⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 719. Д. 185. Л. 619 об.

Ibid, F. 4, Op. 719, D. 185, L. 619 об.

редал документ городскому голове и подчеркнул, что выполнение этой повинности возложено на городского голову)²⁷.

На практике гласный–казначей занимался приёмом и учётом городских сборов, представляемых налогоплательщиками в думу, закупками предметов и материалов для городских нужд и расчётом с продавцами и исполнителями работ. Остальные гласные выясняли на месте состояние порученных им «частей» городского хозяйства, закупали материалы для ремонта, нанимали работников и договариваясь с арендаторами городского имущества на выгодных для города условиях. Когда дума признавала необходимость проведения работ по одному из направлений городского хозяйства, она коллегиальным решением давала поручение одному из гласных. Так, когда в апреле 1809 г. требовался ремонт двух мостов, дума отрядила для проведения работ гласного Евграфа Рожественского²⁸.

Сбор городских доходов для гласных думы являлся не менее обременительным занятием, чем их расходование, особенно с психологической точки зрения. Городские налоги и сборы, от регулярности и полноты поступления которых зависела деятельность городского управления, во многих случаях вносились в думу не самими плательщиками. Очень часто гласным приходилось, по сути, их «выколачивать» из своих сограждан. В сентябре 1829 г. гласный В. Е. Антонов был откомандирован думой для сбора одного из городских налогов. Представляя сумму, которую ему удалось собрать, он заявил присутствию, «что по настоянию его обыватели остаточные деньги не платят, а отзываются разными предложениями, и он средств к получению с них не имеет»²⁹. Ко взысканию недоимок, как это часто практиковалось, было предложено городской полиции «употребить законные меры».

Во второй половине XIX в. обязанности гласных заметно расширились. В трёхлетие 1860–1862 гг. гласный–казначей получал и отправлял с почты пакеты и деньги, ежедневно записывал постатейно приход и расход в книги, выдавал паспорта, следил за внесением в дежурную книгу, входящие и настольные реестры всех бумаг делопроизводств думы. Второму гласному поручались поддержание в порядке дорог, съездов, мостов, мостовых, городского сада, устройство «иордана», проверка на почте получаемых казначеем пакетов, наблюдение за правильной выдачей мешанам письменных видов, сбор денег с базарных площадей и с городских мест за складирование материалов лесоторговцами. Третий гласный собирал доходы с городских оброчных статей, следил за состоянием недвижимости, принадлежащей городу. Четвёртый гласный постоянно присутствовал на

²⁷ ГАРО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 139. Л. 521об.

GARO, F. 656, Op. 1, D. 139, L. 521ob.

²⁸ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 4. Л. 187-187об.

Ibid, F. 49, Op. 1, D. 4, L. 187–187 об.

²⁹ Там же. Д. 31а. Л. 540.

Ibid, D. 31, L. 540.

заседаниях квартирной комиссии, заведовал пожарным двором и следил за организацией уличного освещения.

Рязанское городское общество пыталось облегчить свои «службы и тягости». В 1808 г. рязанское купеческое общество составляло 157 семей, в которых насчитывалось 520 душ. Большинство из них являлись малолетними детьми, или взрослыми, неспособными к службе по причине неграмотности или частых отлучек по торговле. Количество же должностей, избиравшихся из купечества на год или трёхлетие, превышало уже два десятка. В декабре 1808 г. городской голова Н. А. Живаго с купцами жаловались в губернское правление, что они «беспрерывно и чрез малое время отправляют должности не занимаясь в точности по торговой коммерции» и что «за малоимением здесь купечества иногда должны поступать по тем же должностям и ныне отправляющие должности к отягощению в недостаток торговым коммерциям могут почувствовать снижение капитала»³⁰. Голова и купцы просили, чтобы в заседатели гражданской и уголовной палат, а также совестного суда со следующего трёхлетия (1809–1811) можно было избирать купцов не только губернского города, а поочередно купцов всех уездных городов губернии. Просители мотивировали это тем, что в этих учреждениях рассматриваются дела, «поступаемые» из всех уездных городов, а «тамошние купеческие общества в некоторых состоят и с превосходством их, в сем случае не участвуют». Губернское правление было бессильно выполнить просьбу рязанских купцов, поскольку выборы городских заседателей в губернские учреждения из купцов и мещан только губернского города были закреплены статьей 32-й Городового положения³¹.

Действительное положение рязанского городского управления отражено в рапорте городского головы И. И. Рюмина губернскому правлению. Он был составлен на запрос сенаторов о состоянии присутственных мест при ревизии Рязанской губернии в 1830 г. Рюмин констатировал: «По дополнительному постановлению о гильдиях... купцы обязаны принимать должности градских голов, заседателей палат, совестных судов, приказов общественного призрения, депутатов торговли, бургомистров, ратманов, градских старост и членов думы. По городу Рязани состоит купцов восемьдесят восемь капиталов в одной третьей гильдии, из коих по правилам могут быть выбираемы в должности не более семидесяти, занимают помянутые должности двадцать четыре и присяжных ценовщиков два, всего двадцать шесть человек и столько же состоят кандидатами и, как сии, так и прочие семейства не один раз отправляли уже общественные службы, отчего по настоящему с 1830 года выбору от многих избранных в должности лиц возникли губернскому начальству жалобы о избавлении от службы одних за неимением в городе домов, других за многими уже обществу послугами, а третьих за неимением от родителей отдельных капиталов, вслед-

³⁰ ГАРО. Ф. 4. Оп. 719. Д. 205. Л. 77–77 об.

ГАРО, Ф. 4, Оп. 719, Д. 205, Л. 77–77 об.

³¹ Там же. Л. 78–78 об.

Ibid, L. 78–78 об.

ствие чего, некоторые уволены, а места их в настоящее время за происходящими переписками остаются незамещенными. При соображении торговой промышленности, службы и семейств купечества усматривается, что действительно, оные от общественной службы чувствуют себе ощутительное стеснение»³².

Городской голова И. И. Рюмин для более справедливого распределения бремени общегородских служб предложил «наравне с купеческими семействами» избирать в общественные должности мещан (1254 семейства). Однако должности городских голов, заседателей палат и бургомистров, по его мнению, должны были оставаться за купечеством.

Степень отягощения купеческого общества службами и характер деятельности городского управления в Рязани в целом оставались неизменными до Городовой реформы 1870 г. Так, на трехлетие 1866–1868 гг. купеческим и мещанским обществами Рязани в общегородские должности и кандидаты к ним были избраны 38 человек, из которых мещане заняли только две незначительные должности³³.

Таким образом, обременение общегородскими службами по выборам приходилось на относительно ограниченный и немногочисленный круг купеческих семейств. Их представители неизбежно были вынуждены жертвовать несколькими трёхлетиями из своей жизни и выполнять обязательную натуральную повинность перед государством. В этом заключалась, пожалуй, самая нежелательная из сторон бремени городских служб по выборам, так как она была связана с ограничением перемещения человека во времени и пространстве и, как следствие, с вынужденным снижением уровня его материального благосостояния.

С принятием Жалованной грамоты государство не взяло на себя несение расходов по содержанию самой низшей ступени управления в городах, переложив её функции на городские сословия. Даже в губернских учреждениях казённая оплата службы заседателей от города была проигнорирована в отличие от представителей дворянства и поселян³⁴.

Какую же материальную компенсацию могли получать избранные в общегородские должности за свои труды по службе и потраченное на них время? В 1830 г. рязанский уездный предводитель дворянства подчеркивал, что «присутствующие городского магистрата и градской думы, продолжая службу по выбору общества, будучи отвлечены от своей торговой коммерции с немалым расстройством собственного капитала, не получая жалованья», и высказался за то, чтобы «согласно Городового положения 152-й

³² ГАРО. Ф. 4. Оп. 719. Д. 453. Л. 2169 об.–2170 об.

GARO, F. 4, Op. 719, D. 453, L. 2169 ob.–2170 ob.

³³ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 738. Л. 122–124.

Ibid, F. 49, Op. 1, D. 738, L. 122–124.

³⁴ Там же. Ф. 656. Оп. 1. Д. 5. Л. 304–304 об.; Ф. 5. Оп. 1. Д. 1193. Л. 157–159.

Ibid, F. 656, Op. 1, D. 5, L. 304–304 ob.; F. 5, Op. 1, D. 1193, L. 157–159.

статьи, разрешить на производство им из городских доходов или от купеческого и мещанского общества жалованья³⁵».

Законодательство допускало оплату службу выборных в городские присутственные места. Однако она должна была вознаграждаться не из городских доходов, а из добровольной общественной «складки», собранной с самих горожан сверх государственных и городских налогов³⁶. На оплату трудов избранных в общегородские должности должно было согласиться не менее двух третей собрания городского общества при условии присутствия не менее двух третей горожан, имевших право голоса³⁷. Такой практики в Рязани в течение 1800–1870 гг. не было. При этом исполнительская дисциплина как назначаемых и выборных чиновников, состоявших на казённом содержании, так и горожан, избранных в должности, но служивших безвозмездно в качестве повинности, поддерживалась одними средствами: материальными взысканиями, штрафами, не говоря уже о лишении свободы.

Служащие, назначаемые губернской администрацией или выборные в должности от дворянства и выборные от городов, были поставлены в неравные условия. В случае должностных нарушений первые подвергались материальным взысканиям, как бы возмещая государству незаслуженно потраченное на них казённое жалование и нанесённый урон престижу власти. Вторые же должны были расплачиваться за своё нерадение, во многих случаях произошедшее по неопытности и неграмотности, «благоприобретенными» средствами, добытыми собственными стараниями. Так, служившие в думе в 1807–1810 гг. городские головы Н. А. Живаго и А. П. Рюмин с гласными после проверки думских приходно-расходных документов в 1814 г. были обвинены в «передержании» городских расходов на 3169,6 руб. При разбирательстве выяснилось, что денег они «на собственный свой счёт употребить никакого резону не имели³⁸». «Передержка» получилась из-за расходования денег без разделения источников их происхождения: городских доходов и общественных «складок».

Губернская администрация предписывала думе тратить из городских доходов на содержание городских присутственных мест (жалование приказным, канцелярские расходы, дрова, свечи и т. п.) не более тех казённых сумм, которые расходовались на приравненные к городским уездные учреждения Рязанской губернии³⁹. Эти суммы были настолько незначительны,

³⁵ ГАРО. Ф. 4. Оп. 719. Д. 453. Л. 2168 об.

GARO, F. 4, Op. 719, D. 453, L. 2168 об.

³⁶ ПСЗ. Собр. I. Т. XXII. 1784–1788. СПб., 1830. С. 362. № 16187; ПСЗ. Собр. II. Т. IV. 1829. СПб., 1830. С. 502. № 3003.

PSZ, Sobranie I, T. XXII, 1784–1788. SPb., 1830, S. 362. № 16187; Sobranie II, T. IV, 1829, SPb., 1830, S. 502, № 3003.

³⁷ ПСЗ. Собр. I. Т. XXVIII. 1804–1805. СПб., 1830. С. 1021. № 21744.

PSZ, Sobranie I, T. XXVIII, 1804–1805, SPb., 1830, S. 1021, № 21744.

³⁸ ГАРО. Ф. 4. Оп. 719. Д. 290. Л. 467 об.

GARO, F. 4, Op. 719, D. 290, L. 467 об.

³⁹ Там же. Д. 185. Л. 444.

Ibid, D. 185, L. 444.

что нанимать на них приказных для городских учреждений было очень проблематично. Поэтому для их содержания с согласия городского общества почти ежегодно собирались добровольные денежные «складки», расходование которых должна была разрешить губернская администрация. В годы своей службы Живаго и Рюмин с гласными не придали значения законодательным нормативам, потратив городские доходы на содержание канцелярий городских учреждений. Оправдываясь перед судом, головы заявляли, что деньги были потрачены «на необходимые по магистрату, городской думе, сиротскому и словесному судам надобности, дабы не остановить течения дел по тем местам»⁴⁰. Городовой магистрат постановил взыскать «передержку» со всех выборных поровну, с чем согласились рязанские гражданская и уголовная палаты. Дело о взыскании растянулось на годы. После того, когда и Правительствующий сенат в 1822 г. не согласился с апелляцией рязанских выборных, с тех из них, кто был в состоянии заплатить, деньги были взысканы, а за тех, кто оказался к этому времени в «неимуществе» заплатило городское общество.

В 1829 г. выборные Рязанской городской думы удовлетворили просьбу думского письмоводителя, губернского секретаря И.Н. Шулятьева о законном отпуске на 29 дней в Вятскую губернию. Однако при этом дума обошлась без разрешения губернского правления, за что выборные из собственных средств, а письмоводитель из жалованья были оштрафованы на 150 руб.⁴¹.

Экономия казённых средств на городском управлении за счёт безвозмездной службы городских выборных не ограничивалась только исключением государственных расходов на эти цели. Нельзя сказать, чтобы содержание городов было принудительно возложено на горожан, имевших право голоса. Однако хронический дефицит бюджета Рязани и постоянные недоимки городских сборов, с одной стороны, и понуждение выборных губернской администрацией выполнять свои обязанности в законный срок – с другой – заставляли горожан, занятых в местном управлении, кредитовать свою служебную деятельность. Так, в 1814 г. И.И. Рюмин «по предписанию вице-губернатора» отпустил в долг городу 5,5 тыс. руб. на устройство пожарного двора⁴². В 1818 г. городской голова Живаго «по предписанию губернатора» при ожидавшихся городских доходах в 16 тыс. руб. «заимобразно по неимению суммы в сборе городской и по необходимой для издержек надобности» кредитовал город на 3,2 тыс. руб.⁴³

Очевидно, что уже в первой четверти XIX в. правительство осознавало экономическую несостоятельность городской реформы 1785 г. Неразвинутому в торгово-промышленном отношении городу в целом с очень небога-

⁴⁰ ГАРО. Ф. 4. Оп. 30. Д. 324. Л. 1.

GARP, F. 4, Op. 30, D. 324, L. 1.

⁴¹ Там же. Оп. 719. Д. 442а. Л. 3472–3472 об.

Ibid, Op. 719, D. 442a, L. 3472–3472 об.

⁴² Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

Ibid, F. 49, Op. 1, D. 7, L. 6.

⁴³ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 183. Л. 51.

Ibid, F. 5, Op. 1, D. 183, L. 51.

тым населением только на дарованные Жалованной грамотой «выгоды и преимущества» исполнить повинности по содержанию полиции, размещению воинского постоя и поддержанию городского благоустройства было почти невозможно. Город не имел такого количества собственности, «оброчных статей», с которых мог бы получать доход, достаточный для существования даже в рамках того регламента, который был обозначен в законодательстве. Поэтому с 1825 г. купечество как наиболее состоятельное городское сословие законодательно было «обязано принимать на себя» все общегородские должности⁴⁴. Это было связано не только с тем, что купцы, официально объявлявшие свои капиталы, в полной мере могли собственным «имением» «ответствовать» перед государством за безупречность своей городской службы. Законодатель, возможно, предполагал, что решение финансовых проблем городов отчасти примет на свой счёт выборное купечество, составлявшее присутствие городских дум. В середине XIX в. участие думских выборных собственными средствами в финансовом обороте рязанского городского хозяйства, фактически стало повседневной реальностью. В условиях дефицита городского бюджета и хронических недоимок местных налогов члены думы должны были в срок исполнять свои обязанности, чтобы не нести административную ответственность и материальное взыскание. Нехватка городских средств, вызванная несвоевременным поступлением доходов, не являлась оправданием нерасторопности или бездействия выборных, так как сбор местных налогов также был их прерогативой.

Именно поэтому в 1850–1860-е гг. все гласные регулярно рапортовали думе о выполнении её поручений и при этом почти каждый раз просили о возмещении потраченных собственных денег. Подобные примеры неоднократно встречаются в архивных документах. Так, в течение первой половины 1852 г. гласный М. Т. Петров на свой счёт закупал для нужд городской думы бумагу, чернила, перья, нитки, ножницы, сургуч, книги для записей, свечи и дрова, на что потратил более 73 руб. В июне того же года Петров просил думу вернуть ему истраченные деньги. Израсходованные им средства превышали сумму, заложенную на год по статье расходов на приобретение предметов, которые он уже закупил. Полное возмещение денег Петрову зависело уже от «благоусмотрения» губернского правления, которое могло разрешить или не разрешить использовать на это средства из других расходных статей. То же самое касалось и изыскания средств на канцелярские предметы для думы на вторую половину года. К просьбе о возврате собственных средств Петров тогда добавил, что «он более расходовать своих денег не может»⁴⁵.

«Альтруизм» гласных по отношению к службе и городскому хозяйству имел прагматические пределы. Почти ежедневно думские выборные

⁴⁴ ПСЗ. Собр. I. Т. XXXIX. 1824. СПб., 1830. С. 593. № 30115.

PSZ, Sobranie I, T. XXXIX, 1824, SPb., 1830, S. 593, № 30115.

⁴⁵ ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 141. Л. 72–74; см. также: Д. 627. Л. 260–260 об.; Д. 574. Л. 198–198 об.

GARO, F. 49, Op. 1, D. 141, L. 72–74; D. 627, L. 260–260 об.; D. 574, L. 198–198 об.

на собственные средства без формального принуждения делали закупки и оплачивали проведение работ по городскому хозяйству. Однако в основном они это делали тогда, когда их расходы были обеспечены возмещением из городского бюджета, т. е. были заложены в расходных статьях. Чтобы уложиться в сроки и не выплачивать материальное взыскание за неисполнение работ, гласному проще было оплатить работы своими деньгами, зная, что они будут компенсированы из городских доходов.

Вся деятельность рязанского городского управления находилась под бдительным надзором губернской администрации: контролировались всякое действие или бездействие городских присутственных мест, каждая потраченная копейка. Постоянные предупреждения губернским начальством выборных о том, чтобы они служили, «опасаясь за бездействие и медленность взыскания по законам»⁴⁶, не были голословными. В марте 1860 г. дума поручила гласному Я. Н. Шульгину «разные исправления» на главной гауптвахте, содержание и ремонт которой был обязанностью города. По каким-то причинам Шульгин не успел выполнить поручения до декабря. Губернское правление предписало думе указать конкретного виновника неисполнения, а городскому голове ничего не оставалось, как его назвать. Выслушав рапорт головы, губернатор предложил правлению гласного Шульгина «за неисполнение... поручений думы арестовать при оной на три дня». Губернское правление предписало думе арестовать Шульгина на три дня, а если он не исполнит в скорейшем времени, то за это он будет подвергнут самому строгому взысканию⁴⁷.

Непосредственно сбором государственных податей, повинностей и недоимок по ним занимался мещанский староста с помощниками, которые со второй четверти XIX в. перешли в подчинение Рязанской городской думы. Одновременно на думу легла и ответственность за своевременность и полноту таких сборов. Исполнение этой повинности всегда было затруднено по объективным причинам. Некоторые мещане действительно были не в состоянии заплатить государственные налоги, другие приписанные к местному мещанскому обществу жили не в Рязани и найти их бывало невозможно.

В декабре 1858 г. в мещанском и цеховом обществах накопилась значительная недоимка. Губернское правление, не вдаваясь в причины, но основываясь на законодательстве, предписало полицмейстеру описать «имение» мещанского старосты с помощниками и ремесленного головы «на всю недобранную по вине их сумму недоимок». Это означало, что если недоимка не будет собрана, то имущество выборных будет выставлено на аукционную продажу для погашения задолженности. На случай несостоятельности сборщиков правление предписывало «подвергнуть таковой же описи имение

⁴⁶ ГАРО. Ф. 4. Оп. 719. Д. 506. Л. 1676 об.

GARO, F. 4, Op. 719, D. 506, L. 1676 об.

⁴⁷ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 626. Л. 17–18.

Ibid, F. 49, Op. 1, D. 262, L. 17–18.

членов городской думы до тех пор, пока оценка описанного имущества будет равняться сумме числящихся на мещанском обществе недоимок»⁴⁸.

В итоге следует признать, что наряду с преобразованиями в устройстве городского управления сохранился архаичный характер формирования его учреждений. При дефиците местных доходов и при ничтожной финансовой поддержке городов со стороны государства, возложенные на города повинности выборным от общества приходилось исполнять за свой счёт, что, несомненно, сказывалось на эффективности управления.

«DUTIES AND BURDENS» OF RYAZAN URBAN SOCIETY IN 1800–1870

M. A. Sedov

The Ryazan' State University named for S. A. Yesenin, the Department
of Russian History, Ryazan' *Russia*

The article is devoted to the study of services of choice in the institutions and positions of the local administration of representatives of the urban estates of Ryazan in 1800-1870. Based on the study of archival materials, the author shows that the service in the institutions and posts of the city administration was a compulsory personal personal duty for the urban society. The townspeople selected to serve in positions in local government institutions were limited in time and freedom of movement, they did not receive rewards and were subject to financial penalties for official omissions. The lack of funding led to the fact that the compulsory election services were forced to perform at the expense of personal funds.

Keywords: *police magistrate, City Council, mayor, provincial administration, city institutions, encumbrance.*

Об авторе:

СЕДОВ Михаил Александрович – соискатель, кафедра истории России, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, (390027, Рязань, ул. Лермонтова, 9а), e-mail: rsma74@mail.ru

About the author:

SEDOV Mikhail Aleksandrovich – Postgraduate of the Department of Russian History at Ryazan State University named for S.A. Yesenin, (390027, Ryazan, Lermontov str., 9a), e-mail: rsma74@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.12.2018 г.

⁴⁸ ГАРО. Ф. 49. Оп. 1. Д. 429. Л. 140–142.
GARO, F. 49, Op. 1, D. 429, L. 140–142.